

«СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ПОЖАР»

Г. В. Самолис, П. В. Краухов

Ноябрьское восстание севастопольских рабочих, солдат и моряков в 1905 г. было подготовлено мощным подъемом революционного движения в России, всей предшествующей работой большевиков. Оно явилось продолжением дела матросов с броненосцев «Потемкин», «Георгий Победоносец» и учебного судна «Прут», поднявших летом 1905 г. красный флаг. Севастопольское восстание, начавшееся 11 (24) ноября, длилось пять дней. В нем участвовали рабочие порта, матросы Черноморской флотской дивизии, экипажи крейсера «Очаков», контрминоносца «Свирепый», номерных миноносцев 265, 268, 270, некоторых вспомогательных судов, саперная рота крепостной артиллерии. Руководство восстанием осуществлял Совет матросских, солдатских и рабочих депутатов, выделивший исполнительный орган — «Матросскую комиссию». Она (особенно входившие в нее матросы-большевики) сделала многое, чтобы придать вооруженному выступлению организованный характер и добиться единства действий матросов, солдат и рабочих. Однако вследствие того, что руководители восстания оказались не в состоянии организованно охватить всех сочувствовавших ему и нацелить их на активные действия, а также из-за раскольнической тактики меньшевиков оно было подавлено.

Прологом Севастопольского восстания явились революционные выступления в стране, армии и на флоте. Несколько важных обстоятельств сыграли определяющую роль в подъеме революционного движения на Черноморском флоте в ходе первой русской революции: самоотверженная работа большевиков; новый качественный состав матросской и солдатской массы и кровная связь ее с рабочим классом России, что было обусловлено бурным развитием военно-морской техники; экономический кризис 1900—1903 гг., а затем русско-японская война, которые резко обострили классовые противоречия в стране.

Возникновение первых социал-демократических кружков в Севастополе, как можно судить по недавно обнаруженным архивным данным¹, относится к концу XIX — началу XX века. Вначале эти кружки были малочисленны, состояли в основном из представителей интеллигенции и довольно быстро распадались. Но по мере роста числа рабочих в порту и призыва на флот рабочей молодежи Севастополь — главная база Черноморского флота — становился более благоприятным местом для развития социал-демократического движения. Решающую роль в этом сыграла ленинская «Искра». Один из первых социал-демократических кружков в Севастополе был организован в 1901 году². Последующие, еще не организованные выступления военных моряков и их быстрое подавление убедили матросские массы в необходимости объединения матросских социал-демократических кружков и создания при Севастопольском комитете РСДРП военно-морской социал-демократической организации. Ее руководящий центр получил название «Матросская централка». В «Централку» входили большевики, возглавившие революционное движение на кораблях.

Наиболее сильные социал-демократические организации сложились на броненосцах «Князь Потемкин-Таврический» (руководитель Г. Н. Вакуленчук) и «Екатерина II» (руководитель А. М. Петров, впоследствии переведенный на учебное судно «Прут», которое восстало вслед за «Потемкиным»). Восстанием на броненосце «Георгий Победоносец» руководили С. П. Дейнега и Д. П. Кошуба³. Сплоченной и сильной была социал-демократическая организация на достраивавшемся крейсере

¹ Крымский областной государственный архив, ф. 706. оп. 1, л. 44.

² Там же. лл. 199—200.

³ См. В. И. Гаврилов. Восстание на «Георгии Победоносце». «Вопросы истории», 1975, № 6.

«Очаков». В число ее руководителей входили А. И. Гладков, С. П. Частник, Н. Т. Антоненко, И. Е. Уланский и другие большевики⁴. В целом «большевистская тактика и большевистские идеи в 1905 году в Севастополе захватили раньше всего матросов»⁵. Характерна также резолюция, принятая на конспиративной массовке, состоявшейся 20 марта 1905 года. В ней, в частности, говорилось: «Мы, матросы Черноморского флота, собравшиеся в количестве 194 человек, присоединяемся к голосу всей поработанной России и вместе с передовой выразительницей интересов рабочего класса — Российской социал-демократической рабочей партией требуем свержения ненавидистого самодержавия... Да здравствует социализм!»⁶.

Быстрому росту влияния социал-демократов на флоте способствовало еще и то обстоятельство, что в конце XIX — начале XX в. на боевые корабли в связи с бурным развитием военно-морской техники начали набирать значительно больше, чем во времена парусного флота, рабочей молодежи. Часть новобранцев еще до призыва на службу участвовала в революционной борьбе. Это относится к большинству участников Севастопольского восстания, прежде всего к его руководителям — матросам-большевикам. Так, один из активных организаторов восстания на крейсере «Очаков», машинист 2-й статьи Александр Гладков, «еще до призыва в армию принимал участие в революционной работе и был связан с Пензенской группой РСДРП»⁷. Боевые корабли в значительной степени были связаны и во время постройки и во время ремонта с крупными промышленными предприятиями в Петербурге, Сормове, Николаеве, Одессе и других городах, что позволяло матросам тесно общаться с рабочими.

Весной и летом 1904 г. революционное движение на Черноморском флоте постепенно разрастается. В целях его пресечения командование флота усиливает репрессии. Проводится перемещение ряда военно-административных лиц, снимаются с особо важных должностей люди, либерально настроенные, а их место занимают самые реакционные элементы. Одной из таких мер было назначение в мае 1904 г. главным командиром Черноморского флота крайнего реакционера вице-адмирала Г. П. Чухнина. Он сразу же предписал командирам судов, экипажей и начальникам команд всемерно усилить борьбу с революционной пропагандой, особенно с влиянием большевистского крыла РСДРП. Но ничто уже не могло сдержать рост революционного движения. Осенью 1904 г. жандармы регулярно доносили, что многие матросы почти открыто говорят о необходимости восстания⁸. Наибольшее беспокойство царского правительства вызвало выступление нескольких тысяч матросов в севастопольских казармах 3—4 ноября 1904 года. Взбешенный сообщением об этом, Николай II требовал суровой расправы с «позорным духом некоторых экипажей». «Не думал,— писал он,— что распущенность в Черноморском флоте достигла таких безобразных размеров...». Выражая благодарность Чухнину за «энергию», проявленную им 3—4 ноября, царь высказывал надежду, что вице-адмирал «выбьет позорный дух некоторых экипажей в Севастополе»⁹.

Подавив волнения и арестовав наиболее видных их руководителей, Чухнин решил избавиться и от «неблагонадежных» матросов. В то время в Либаве комплектовалась эскадра адмирала Н. И. Небогатова для отправки на Дальний Восток. На корабли этой эскадры и было списано несколько сот моряков-черноморцев. «Состав команды внушал правительству самые серьезные опасения,— писала о черноморских матросах небогатовской эскадры большевистская газета «Пролетарий». —...Матросы не имели ни малейшего желания выйти в плавание»¹⁰. Такие же настроения по поводу несправедливой войны высказывало большинство матросов, оставшихся в Севастополе. Военно-морской прокурор Черноморского флота, например, докладывал о том, что в казармах 29-го, 32-го и 33-го флотских экипажей и

⁴ «История Коммунистической партии Советского Союза». Т. 2. М. 1966, стр. 123.

⁵ «Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г.». Документы и материалы. М. 1957, стр. 5.

⁶ «Искра», 1905, № 98.

⁷ Фонды музея П. П. Шмидта в Очакове.

⁸ «Военные моряки в период первой русской революции 1905—1907 гг.». М. 1955, стр. 17.

⁹ ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1905 г., д. 1877, ч. 56, лит. А, д. 16.

¹⁰ «Пролетарий», 17.VII.1906.

во дворе Лазаревских казарм были обнаружены прокламации под названием «Пора кончать!». В них, в частности, говорилось, что матросам «нужно немедленно самим подумать об исходе из бедствий войны и безработицы». Большевистские листовки-прокламации заканчивались словами: «Долой же губернаторов, долой жандармов и полицию! Долой царя! Народные представители должны управлять всем государством, должны изменить законы и прежде всего прекратить войну»¹¹.

Небезынтересна в этой связи позиция некоторых офицеров, особенно П. П. Шмидта¹². Ее характеризуют некоторые не публиковавшиеся ранее материалы. Петр Петрович Шмидт, капитан океанских судов акционерного Русского общества пароходства и торговли (РОПИТ), 12 апреля 1904 г. призывается по мобилизации в военный флот в Севастополь, в 33-й флотский экипаж. Только 1,5 месяца ему пришлось находиться в столице Черноморского флота. Затем он получил назначение на должность старшего офицера военного транспорта «Иртыш» и выехал в Либаву. Угольному транспорту «Иртыш» вместе с эскадрой адмирала З. П. Рождественского предстояло идти на Дальний Восток. В письмах к родственникам и товарищам П. П. Шмидт рисует картину неприглядного положения на флоте, высказывает свое отношение к войне, делится планами и мечтами об оказании активной помощи защитникам Порт-Артура¹³. В Либаве П. П. Шмидт предпринимает ряд мер, чтобы его допустили к участию в прорыве блокады Порт-Артура. Он в числе первых офицеров, оценив большие боевые возможности подводных лодок, просил, чтобы его назначили командиром на одну из них. «Мое дело с подводной лодкой,— сообщает Шмидт в письме от 9 августа,— не удастся»¹⁴. Он предлагает прорвать блокаду на груженых продуктами старых транспортах. На головном вызвался идти сам. Но и это предложение не было одобрено. И не мудрено: вокруг царили произвол, беспечность, халатность, преступность¹⁵. В письме от 24 августа Шмидт пишет: «Дела, брат, на Востоке ужасны. Флот, надо считать, там уничтожен. Наша 2-я эскадра опять будет гораздо слабее японской. На суше тоже плохо и не скоро, очень не скоро может окончиться эта несчастная война. Уход нашей 2-й эскадры опять стал сомнительным, и я думаю, что если нас и пошлют, то скоро вернут обратно с полпути, одумаются, что это безумие»¹⁶.

«Иртыш» долго еще стоял с высоко поднятой над водой ватерлинией, а когда, наконец, его отбуксировали под погрузку угля, то времени осталось в обрез. Пытаясь обмануть Рождественского, командир транспорта приказал Шмидту заполнить цистерны морской водой вместо угля. Лишь бы поскорее доложить... Шмидт отказался выполнить приказание. Его арестовали при каюте, однако своего он добился: «Иртыш» задержался, но загрузился углем полностью¹⁷. Вскоре транспорт попал в аварию. «Починка, оказывается, возьмет еще один месяц,— пишет Шмидт 21 октября 1904 г.,— т. е. надежды догнать эскадру... теперь нет. Да и не знаю, что лучше — быть здесь вдали и не участвовать во всей этой резне или быть там — около — и оставаться тоже почти безучастным, т. к. служба на транспорте обрекает на такое безучастие. И то, и другое одинаково обидно... Несчастливая Россия, вернее, несчастен русский народ, который может быть вовлечен в новую войну и в новые испытания... С глубоким горем вижу, что если не последует в ближайшем будущем коренного переустройства всего нашего государственного строя, то нас ждет полный погром. Трудное время переживаем мы, тяжело приходится расплачиваться русскому народу, расплачиваться за то, что его целое столетие искусственно удерживали в темноте и невежестве... Я чувствую близость грозы, чувствую давящее все общество удушие и думаю, что мы близки от великих исторических событий...»¹⁸.

¹¹ «Военные моряки в период первой русской революции 1905—1907 гг.», стр. 18.

¹² См. о нем: Н. Б. Коваленко. Севастопольская соната. «Вопросы истории», 1966, № 7.

¹³ Фонды музея П. П. Шмидта в Очакове. Письма П. П. Шмидта.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Г. В. Самолис. Лейтенант революции (к 100-летию со дня рождения П. П. Шмидта). «Комсомольская правда», 17.II.1967.

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1166, оп. II, д. 46.

¹⁷ «Флаг Родины», 17.II.1967.

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1166, оп. II, д. 11.

Прошел еще месяц, и Шмидт пишет: «Догоним мы Рождественского, должно быть, в Зондском архипелаге и тогда уже вместе двинемся на вражеский флот, от которого, думается, нам не пощастивится. Силы будут равные, но искусство стрельбы, конечно, на стороне японцев, которые много лет готовили свой флот к войне, а не к смотрам, как готовили мы... На подводную лодку меня, к сожалению, не назначили, т. к. Рождественский просил, уходя, никого не перемещать... Война не может окончиться скоро, если даже положение не осложнится с Европой, а если осложнится, то на многие годы прольется кровь»¹⁹.

В декабре 1904 г. пал Порт-Артур, что явилось сильнейшим ударом по царизму. Большевики разоблачали преступную политику самодержавия, разъясняли массам причины поражения в Маньчжурии. В. И. Ленин в статье «Падение Порт-Артура», напечатанной 14 (1) января 1905 г. в большевистской газете «Вперед», писал: «Своей глупой и преступной колониальной авантюрой самодержавие завело себя в такой тупик, из которого может высвободиться только сам народ и только ценой разрушения царизма... Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма»²⁰. Жизнь подтвердила слова В. И. Ленина. Народному терпению пришел конец. Россия вступила в полосу первой русской революции.

События 9 января 1905 г. и прокатившаяся вслед за ними по всей стране волна стачечного движения нашли живой отклик как среди матросов Черноморского флота, так и среди солдат и рабочих Севастополя. Особенно ярко влияние революционного движения на флоте сказалось после цусимского разгрома 13—14 мая 1905 года. В те дни бездарные царские адмиралы почти полностью погубили лучшие корабли Балтийского флота и значительную часть личного состава 2-й и 3-й тихоокеанских эскадр. «Теперь и последняя ставка побита, — писал В. И. Ленин. — Этого ожидали все, но никто не думал, чтобы поражение русского флота оказалось таким беспощадным разгромом»²¹. Многие матросы, кто еще вчера верил в незыблемость царского режима, в его военную силу, узнав о цусимском поражении, стали переходить на путь борьбы с самодержавием. Заколебались и офицеры. Среди них был инженер-механик броненосца «Потемкин» поручик А. П. Коваленко, с которым сразу подружился П. П. Шмидт, вернувшийся в начале 1905 г. в Севастополь из Порт-Саида.

К лету 1905 г. политическая атмосфера в Севастополе настолько накалилась, что в матросской среде и прежде всего в «Матросской централке» созрел широкий план общего восстания Черноморского флота. Его организаторы — члены Севастопольской военной социал-демократической организации — ставили своей задачей поднять восстание на флоте и распространить его на все побережье Черного моря. Как писал один из руководителей подготавливавшегося восстания, машинист броненосца «Екатерина II» А. М. Петров, войска «только тогда будут открыто переходить на сторону народа, когда в них явится уверенность во всеобщем восстании. А для этого надо, чтобы восстание сразу охватило широкий район. А где же такой широкий район, как не у нас на Черном море? Кто, как не мы, матросы, начав революцию в Севастополе, можем перебросить ее сразу на Кавказ, с Кавказа в Одессу, в Николаев? Кто, как не мы, можем сразу заставить войска принять участие в революции? Что они примут участие, мы в этом не сомневаемся, так как только боязнь сдерживала их до сих пор. Чувствуя же у себя за спиной поддержку всего флота, они отбросили бы боязнь в сторону. И мы готовились начать наше дело осенью»²².

План восстания флота, разработанный А. М. Петровым с товарищами, отличался широтой и смелостью. Он обсуждался на судах и оказал серьезное влияние на все последующие события. Был он известен, надо полагать, и П. П. Шмидту, который в одном из писем рассуждал, в частности, о действиях и намерениях соратника А. М. Петрова — Д. М. Титова²³. Общее восстание предполагалось начать в период учения флота, когда вся эскадра будет собрана у Тендровской косы. Однако намеченный план восстания не удалось осуществить. Возникшие на броненосце «Потем-

¹⁹ Фонды музея П. П. Шмидта в Очакове. Письма П. П. Шмидта.

²⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 9, стр. 155, 158.

²¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 10, стр. 252.

²² «Пролетарская революция», 1925, № 12 (47), стр. 93.

²³ «Право», 19.III.1906.

кин» события 14 июня 1905 г. хотя и привели к героическому восстанию его команды, но нарушили план общей борьбы. Попытки других кораблей присоединиться к «Потемкину» окончились практически неудачей. 25 августа 1905 г. были казнены руководители восстания на «Пруте» А. М. Петров, И. А. Черный, Д. М. Титов и И. Ф. Адаменко. 3 сентября были расстреляны Дейнега и Кошуба — руководители восстания на «Георгии Победоносце». Десятки матросов царский суд приговорил к каторжным работам, отправил в арестантские роты; сотни потемкинцев, прутовцев и других попали в тюрьму.

Несмотря на массовые аресты и кровавую расправу с участниками июньских событий, восстание на броненосце «Потемкин» и других кораблях Черноморского флота оказало большое влияние на революционное движение в вооруженных силах. В. И. Ленин, находившийся в момент восстания «Потемкина» в эмиграции в Швейцарии, узнав о нем, предложил большевику М. И. Васильеву-Южину выехать в качестве представителя ЦК партии в Одессу. «Постарайтесь во что бы то ни стало попасть на броненосец, — наставлял его Владимир Ильич, — убедите матросов действовать решительно и быстро. Добейтесь, чтобы немедленно был сделан десант. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян. На эту работу бросьте возможно больше наличных сил Одесской организации. В прокламациях и устно зовите крестьян захватывать помещичьи земли и соединяться с рабочими для общей борьбы. Союзу рабочих и крестьян в начавшейся борьбе я придаю огромное, исключительное значение. ...Необходимо сделать все, чтобы захватить в наши руки остальной флот... Нужно только действовать решительно, смело и быстро. Тогда немедленно посылайте за мной миноносец. Я выеду в Румынию»²⁴.

В. И. Ленин считал, что события на «Потемкине» могли явиться толчком к общему восстанию Черноморского флота, которое, безусловно, облегчило бы выступление рабочих и крестьян юга России и Кавказа и тем самым придало бы еще больший размах революции. Преодолев множество трудностей, Васильев-Южин прибыл в Одессу, но попасть на броненосец не смог. «Потемкин» уже ушел отсюда. «Броненосец «Потемкин», — писал В. И. Ленин, — остался непобежденной территорией революции и, какова бы ни была его судьба, перед нами налицо несомненный и знаменательнейший факт: попытка образования ядра революционной армии... Новые еще более энергичные попытки образования революционной армии последуют неминуемо за событиями в Черноморском флоте»²⁵. Последующий ход событий подтвердил ленинскую оценку исторической роли восстания потемкинцев. Кульминацией этих событий в вооруженных силах явилось Севастопольское восстание в ноябре 1905 года.

П. П. Шмидт получил назначение на должность командира миноносца № 253, а в июне по приказу Чухнина отбыл на патрулирование по Дунаю, имея Измаил портом приписки. Этот приказ был не случаен. Вице-адмиралу докладывали о «вольномудных» высказываниях лейтенанта Шмидта в Морском собрании, о подозрениях, что этого дерзкого офицера можно считать основателем «Союза офицеров — друзей народа». Прокламации союза вызывали брожение среди офицерского корпуса флота. Поэтому Чухнин решил отправить Шмидта в «измаильскую ссылку». Впоследствии Шмидт так вспоминал о созданном им союзе: «Я стоял среди войска и, оставаясь по убеждению в прогрессивной части общества, не мог не понимать, что все силы нужно употребить на убеждение офицеров... Я говорил с ними везде, где мог: и на бульваре, и на улице, и у себя, и в Морском собрании... Но глухи были гг. офицеры и избегали моих разговоров с ними, они сторонились меня как опасного собеседника. Тогда я собрал из них нескольких человек, наиболее подходящих, и мы составили «Союз офицеров — друзей народа»²⁶. Одним из них был инженер-механик броненосца «Потемкин» поручик Коваленко. Именно с ним долго беседовал Шмидт накануне выхода «Потемкина» в его исторический рейс. А через два дня, то есть

²⁴ М. И. Васильев-Южин. В огне первой революции. М. 1955, стр. 47.

²⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 10, стр. 337.

²⁶ «Севастопольское вооруженное восстание...», стр. 392.

14 июня, когда на Тендре восстал «Потемкин», миноносец под командованием Шмидта вышел из Севастополя в Измаил. Весть о восстании на броненосце взволновала Шмидта. В одном из писем он спрашивает: «Что творится на флоте? Какая участь постигла Коваленко? Жив ли он? И где находится?»²⁷. Коваленко остался в живых. По свидетельству потемкинца А. Н. Матюшенко, он оказался единственным офицером, который «искренне прижмул к восставшим»²⁸. Факт связи Шмидта и Коваленко представляет определенный интерес для исследователей революционного движения на Черноморском флоте.

16 июля Шмидт покидает Измаил. В течение 10 дней он побывал в Керчи, Полтаве, Киеве, а затем на своем миноносце отбыл из Измаила в Севастополь. Там он вскоре поднимет на восставшем «Очакове» облетевший всю страну сигнал: «Командую флотом. Шмидт».

Ноябрьское восстание в Севастополе, вспыхнувшее вслед за Всероссийской политической стачкой²⁹, явилось предвестником Декабрьского вооруженного восстания в Москве, когда первая русская революция достигла своей высшей точки. «Октябрь и декабрь 1905 года,— говорил В. И. Ленин,— знаменуют высшую точку восходящей линии российской революции. Все источники революционной силы народа открылись еще гораздо шире, чем раньше»³⁰. В Севастополе после опубликования царского манифеста от 17 октября начались бурные митинги рабочих, матросов и солдат. Выступления чаще всего носили стихийный характер. Это имело свои объективные причины. После подавления восстания на «Потемкине», «Пруте» и «Георгии Победоносце» флотские большевистские организации были разгромлены. Меньшевики, преобладавшие в ту пору в Севастопольском комитете РСДРП, пытались вернуть революционное движение на путь мирных демонстраций и забастовок. Большевики городской организации Севастополя и военной организации РСДРП прилагали усилия, чтобы возглавить революционные массы. Утром 18 октября большевики организовали митинг. Здесь впервые публично выступил лейтенант П. П. Шмидт. Он решительно призвал собравшихся отстаивать политические права. «Говорил он простым, но необыкновенно ясным и понятным языком,— вспоминал один из участников восстания, А. Д. Дмитриев.— Шмидт призывал народ не обольщаться красивыми словами царского манифеста, а продолжать борьбу и в первую очередь требовать немедленного освобождения томящихся в тюрьмах политических заключенных»³¹. Собравшиеся с восторгом встретили это предложение. Более 10 тыс. демонстрантов двинулись к городской тюрьме. Они были встречены залпами войск. 8 человек было убито, около 50 ранено.

Преступление властей вызвало всеобщее возмущение. На следующий день митинг на Приморском бульваре принял большевистскую резолюцию протеста против кровавых злодеяний полиции. В резолюции были требования: снять военное положение в городе, убрать полицию, казаков и военные патрули, освободить всех политических заключенных, в том числе потемкинцев, ввести народную охрану, отменить смертную казнь и предать суду виновников расстрела демонстрации 18 октября. Митинг избрал в городскую думу 28 депутатов, в том числе П. П. Шмидта, который, как доносил вице-адмирал Чухнин морскому министру, «ходил по городу с матросами и народом, пел «Марсельезу» и будто одобрял команду «Потемкина»³². Народные избранники приняли участие в работе думы, которая вынуждена была поддержать выдвинутые на митинге требования. Комендант крепости В. С. Неплюев и контр-адмирал Спицкий отдали приказ о снятии военных патрулей. В городе была сформирована народная милиция.

Севастопольские события вызвали живейший интерес не только в России, но и за границей. В городскую думу был доставлен адрес, который подписали до 1200

²⁷ Фонды музея П. П. Шмидта в Очакове. Письма П. П. Шмидта.

²⁸ «Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг.». Воспоминания и письма. М. 1956, стр. 133.

²⁹ См. И. М. Пушкарева. 1905 год. Всероссийская Октябрьская политическая стачка. «Вопросы истории», 1975, № 10.

³⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 321.

³¹ Воспоминания А. Д. Дмитриева (из личного архива авторов).

³² ЦГАВМФ СССР, ф. 407, оп. 1, д. 3757, лл. 1—1 об.

французских профессоров и студентов. «Французские студенты и их учителя, — говорилось там в частности, — узнав, что Севастопольская дума, образовав милицию, воспрепятствовала гнусным убийцам, которые обесчестили другие русские города, посылают ей свои поздравления...»³³.

20 октября состоялись похороны жертв расстрела. Дума по требованию рабочих объявила этот день днем народного траура, отменила работу на предприятиях и занятия в учебных заведениях. Похоронная процессия превратилась в мощную демонстрацию протеста против самодержавия. В ней участвовало до 40 тыс. человек, в том числе матросы и солдаты. На похоронах над могилой жертв расстрела выступил П. П. Шмидт. Его речь произвела сильное впечатление на присутствовавших. «Особенно зажигательное слово произнес лейтенант Шмидт», — доносил полковник А. П. Бельский командиру корпуса жандармов. Далее он приводит слова Шмидта: «Граждане!.. — Обещаем, что раз данная нам свобода никогда и никому не будет отдана. Обещаем, клянемся!.. Пример этих безвременно погибших послужит укором плееде oprичников; поклянемся, что этого больше не допустим»³⁴. За эту, как писал В. И. Ленин³⁵, «дерзкую» речь о защите с оружием в руках свобод, обещанных в манифесте 17 октября, Шмидт был в тот же день арестован. В ответ на арест Шмидта рабочие Севастополя избрали его своим пожизненным депутатом. Шмидт очень дорожил этим доверием. «О, я сумею умереть за них, — писал он. — Сумею душу свою положить за них. И ни один из них никогда, ни они, ни их дети не пожалеют, что дали мне это звание»³⁶.

Арест Шмидта дал толчок новым митингам и сходкам рабочих и матросов с участием солдат Севастопольского гарнизона. Все громче говорилось на них о возможности вооруженного выступления моряков Черноморского флота. Чухнин поспешил издать приказ: «Объявляю по вверенному мне флоту для исполнения, что... посещение кондукторами и всеми прочими чинами устраиваемых ныне на Приморском бульваре или же в иных местах сходок безусловно воспрещается»³⁷. Однако революционное движение в Севастополе росло и ширилось. Главными вдохновителями его выступали матросы и портовики. В конце октября за распространение прокламаций был уволен один рабочий. Вспыхнула стачка. «Все портовые рабочие в числе 4 000 человек, — писала большевистская газета «Борьба», — собрались в одну из мастерских и вызвали Чухнина. Тот явился и обратился к рабочим в резком тоне: «Какое право вы имеете распоряжаться в порту? Вы — бунтовщики, вы крови хотите...». Рабочие оборвали его, решительно заявив: «Ничьей крови мы не хотим, но порт наш, его создали мы, наши отцы и деды своим тяжким трудом — и мы в нем хозяева»³⁸. Требование рабочих было удовлетворено: уволенный возвратился в порт.

В первых числах ноября состоялись совещания представителей социал-демократической организации, членов «матросского центрального кружка» и около 40 матросов — представителей военной социал-демократической организации. На этих совещаниях «было решено, что флот должен присоединиться к общей борьбе рабочих, привлечь солдат и вместе с ними, выставив общенародные требования и свои частные, объявить всеобщую политическую забастовку и готовить восстание»³⁹. Революционные события на кораблях и на берегу развивались нарастающими темпами. 8 ноября вспыхнули волнения на крейсере «Очаков». Причиной их явилось столкновение с командиром корабля капитаном 2-го ранга С. А. Глизяном. «Если будете бунтовать, — заявил экипажу «Очакова» командир, — с вами будет поступлено, как с командой «Прута» или с кронштадтскими, из коих некоторых расстреляли, а последних тоже расстреляют»⁴⁰. В ответ на это заявление матросы на следующее утро отказались отвечать на приветствие командира и решитель-

³³ «Одесские новости», 21.XII.1905.

³⁴ ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1905 г., д. 1350, ч. 36, лл. 132 об.—133.

³⁵ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 12, стр. 111.

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1166, оп. 1, д. 64.

³⁷ ЦГАВМФ СССР, ф. 920, оп. 6, д. 411, л. 165.

³⁸ «Севастопольское вооруженное восстание...», стр. 206.

³⁹ Там же, стр. 207.

⁴⁰ ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1905 г., д. 1877, ч. 56, л. 37.

но потребовали его смещения. Особую политическую активность при этом проявил член корабельной социал-демократической организации большевик А. И. Гладков. Вспыхнули волнения и на броненосце «Св. Пантелеймон» (переименованный после июньского восстания «Потемкин»). Напуганный развивающимся на флоте движением, на корабль прибыл главный командир флота. Команда враждебно встретила Чухнина. Со страстной речью против Чухнина и царящих на флоте порядков выступил член военной организации РСДРП машинный квартирмейстер Иван Сиротенко. Чухнин приказал арестовать большевика, но команда отказалась выполнить приказ. Ничего не добившись, Чухнин покинул корабль.

Революционное возбуждение охватило весь Черноморский флот. В то же время на берегу проходили митинги матросов и солдат с участием рабочих. Раздавались призывы к восстанию. Многие ораторы требовали немедленного освобождения заключенных на «Пруте» потемкинцев. Для руководства борьбой снова решено было провести выборы депутатов (по одному от каждой роты или корабля) и образовать Совет депутатов. Военная социал-демократическая организация прилагала все усилия для того, чтобы удержать матросов от стихийных выступлений, не согласованных с общероссийским движением, дабы объединить выступления отдельных частей в единый поток и взять руководство ими в свои руки. Однако осуществить задуманное не удалось: 11 ноября стихийно вспыхнуло восстание.

В. И. Ленин в докладе о революции 1905 г. так говорил о начале Севастопольского восстания, анализируя его истоки и повод: «Позвольте мне подробно рассказать вам один маленький эпизод из этого восстания Черноморского флота, чтобы у вас получилась конкретная картина событий на высшей точке их развития: «Устраивались собрания революционных рабочих и матросов; они происходили все чаще. Так как военных не пускали на рабочие митинги, рабочие массами начали посещать военные митинги. Собирались тысячами. Идея совместного выступления нашла живой отклик. В более сознательных ротах избирались депутаты. Тогда военное начальство решило принять меры. Попытки отдельных офицеров произносить на митингах «патриотические» речи давали самые плачевные результаты: привыкшие к дискуссиям матросы обращали своих начальников в позорное бегство. Ввиду таких неудач было решено запретить митинги вообще. Утром 24 ноября 1905 года у ворот флотских казарм была выставлена боевая рота в полном боевом снаряжении. Контр-адмирал Писаревский отдал во всеуслышание приказ: «Не выпускать никого из казарм! В случае неподчинения стрелять». Из роты, которой был отдан этот приказ, вышел матрос Петров, зарядил на глазах у всех свою винтовку, одним выстрелом убил штабс-капитана Штейна из Белостокского полка, а вторым выстрелом ранил контр-адмирала Писаревского. Раздалась команда офицера: «Арестуйте его!». Никто не двинулся с места. Петров бросил свое ружье на землю. «Чего стоите? Берите меня!» Он был арестован. Стекавшиеся со всех сторон матросы бурно требовали его освобождения, заявляя, что они за него ручаются. Возбуждение достигло апогея.

— Петров, не правда ли, выстрел произошел случайно? — спросил офицер, чтобы найти выход из создавшегося положения.

— С какой стати случайно! Я вышел вперед, зарядил и прицелился, разве это случайно?

— Они требуют твоего освобождения...

И Петров был освобожден. Но матросы этим не удовлетворились, все дежурные офицеры были арестованы, обезоружены и отведены в канцелярию... Делегаты матросов в количестве около 40 человек совещались всю ночь. Решили офицеров освободить, но больше их в казармы не впускать...»⁴¹. Далее В. И. Ленин делал вывод: «Эта небольшая сценка наглядно показывает вам, как разыгрывались события в большинстве военных восстаний... Широкие массы... вспыхивали довольно легко, любой случай несправедливости, слишком грубое обращение офицеров, плохое питание и т. п. могло вызвать возмущение. Но не хватало выдержки, отсутствовало ясное сознание задачи: не хватало достаточного понимания того, что только самое энергичное продолжение вооруженной борьбы, только победа над

⁴¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 317.

всеми военными и гражданскими властями, только ниспровержение правительства и захват власти во всем государстве является единственной гарантией успеха революции»⁴².

Ленинская оценка с полным правом относится и к важнейшей составной части севастопольских событий — восстанию на крейсере «Очаков». В момент восстания во флотской дивизии «Очаков» был на ходовых испытаниях в море. В порт он вернулся 11 ноября. Чухнин на основании телеграфного приказа морского министра А. А. Бирилева дал распоряжение офицерам «Очакова» лишить крейсер, подобно другим кораблям, боеспособности. И офицеры «Очакова», скрывая от матросов факт восстания во флотской дивизии, приказали никого не спускать с корабля и осушить компрессоры орудий (только позднее по требованию матросов в компрессоры опять было залито масло, что дало возможность использовать часть орудий в сражении с правительственной эскадрой). Но, несмотря на уловки офицеров, матросы-очаковцы узнали о восстании на берегу. Под руководством членов военной социал-демократической организации корабля А. И. Гладкова, Н. Г. Антоненко, Р. В. Доукина и других экипаж готовился к активным действиям.

Восстание разрасталось. В ротах и экипажах кораблей шли выборы депутатов. Чухнин шифрованной телеграммой доносил царю, что «матросы, вероятно, поставят какие-нибудь условия, которым придется подчиниться или распустить флот»⁴³. Для выработки требований, обсуждения создавшегося положения и попытки скоординировать все движение во флотские казармы стали стекаться депутаты от экипажей кораблей и рабочих порта. Собравшиеся образовали Совет, практически явившийся Советом матросских, солдатских и рабочих депутатов. Он выделил исполнительный орган для непосредственного руководства восстанием — Матросскую комиссию. В нее вошли представители военной социал-демократической организации Севастопольского комитета РСДРП и рабочие порта. «К ночи на воскресенье 13 ноября, — отмечала «Борьба», — в городе господствовала одна власть — власть Матросской комиссии... Начальства как будто не было»⁴⁴. А оно тем временем активно готовилось к нанесению удара по восставшим. Из Одессы, Симферополя, Екатеринослава и Кишинева к Севастополю спешным порядком стягивались войска. Командующим всеми этими силами и гарнизона Севастополя царь назначил командира 7-го арткорпуса генерал-лейтенанта А. Н. Меллер-Закомельского. Кольцо карателей сжималось.

Матросская комиссия вела напряженную работу. Она решала организационные вопросы, давала поручения делегатам. Центром всего революционного движения в Севастополе постепенно становился крейсер «Очаков». Здесь энергично и решительно действовали большевики А. И. Гладков, Н. Г. Антоненко, С. П. Частник. Возможно, что именно в экипаже «Очакова» возникла идея приглашения для командования восставшими кораблями лейтенанта Шмидта. Ее могли изложить Матросской комиссии делегаты «Очакова» Гладков и Доукин. В итоге представители военной социал-демократической организации, «исходя из того, что Шмидт несомненно искренний революционер, хотя и стоящий вне партии, знает военное дело, пользуется громадным авторитетом и популярностью среди матросов», высказались за приглашение Шмидта⁴⁵. Шмидт согласился не сразу. Явившись на заседание Матросской комиссии, он предложил сохранять спокойствие на флоте до того момента, когда восстание начнется в ряде городов страны. Но делегаты, учитывая силу восставших матросов, солдат и рабочих Севастополя и их революционное настроение, решили перейти к активным действиям. Увидев боевое настроение выступавших, Шмидт не только отказался от прежнего предложения, но и заверил собравшихся, что он всегда будет вместе с восставшими.

14 ноября Севастополь был объявлен на осадном положении. Самодержавие открыто готовилось потопить восстание в крови. «В Севастополе, — доносил ротмистр Н. А. Васильев в департамент полиции, — ночь прошла спокойно, настрое-

⁴² Там же, стр. 318.

⁴³ «Севастопольское вооруженное восстание...», стр. 132.

⁴⁴ Там же, стр. 210.

⁴⁵ Там же, стр. 211.

ние жителей крайне тревожное, чернь против властей; крейсер «Очаков» вышел из повиновения; между матросами, крепостной артиллерией возбуждение растет, саперная рота передана матросам. Крепость объявлена на военном положении. Мои агенты из страха отказались работать. Теперь в 11 час. дня у морских казарм сходка массы матросов, сухопутных солдат»⁴⁶. Несколько позже, описывая события того же дня, Васильев сообщал командиру отдельным корпусом жандармов о том, что «вся демонстрация, все требования были выработаны под руководством социал-демократической партии», что «более половины эскадры ненадежно»⁴⁷. Весь день матросы и примкнувшие к ним солдаты готовились к захвату кораблей: укрепляли казармы, распределяли боезапас и продовольствие, вели агитацию. Депутаты Совета и по их заданию матросы и солдаты призывали к объединению всех сил, к освобождению заключенных на «Пруте», к борьбе за свои права и за общие лозунги рабочего класса. Через своих депутатов Матросская комиссия поддерживали связь с экипажами кораблей. В середине дня на Соборную ул., д. 14, к уволенному в отставку (она состоялась 7 ноября) П. П. Шмидту пришли матросы с «Очакова» и пригласили его принять командование восставшим крейсером. Около 15 часов Шмидт поднялся на палубу «Очакова». Команда встретила его восторженно, выставленный караул отдал ему адмиральские почести.

Вечером в кают-компани «Очакова» было проведено заседание руководителей военно-партийной организации РСДРП и депутатов Совета от флотской дивизии. На нем разрабатывались и уточнялись планы борьбы. По этим планам дивизия должна была овладеть рядом мелких судов, захватить арсенал в порту, где, кроме пулеметов и винтовок, рассчитывали также найти ударники для орудий «Св. Пантелеймона» и других судов. В тот же вечер вооруженный отряд матросов напал на арсенал в порту, арестовал генерал-майора Саноцкого и других представителей администрации, отбил несколько пулеметов и ружей, а также ударников, снятых по приказанию Чухнина с орудий броненосца «Св. Пантелеймон». Но матросам не удалось завладеть главными складами оружия.

Ночью начался захват судов отрядами, возглавляемыми членами военной организации и депутатами Советов. Были заняты минный крейсер «Гридень», миноносец «Свирипей», три номерных миноносца, учебный корабль «Днестр» и др. Однако намеченный план овладения большей частью кораблей не был выполнен. Не удался и замысел Шмидта перевести на сторону восставших без вооруженной борьбы крупные корабли эскадры, прежде всего флагманский корабль «Ростислав». Офицеры кораблей, вызванные им на совещание якобы для переговоров о прекращении борьбы, не явились на «Очаков». Не удалось также овладеть броненосцем «Екатерина II» и контрминоносцами «Звонкий» и «Завидный». Личный состав этих кораблей как неблагонадежный был в своем большинстве заблаговременно списан с кораблей, а офицеры и верные властям кондукторы оказали восставшим сопротивление. До 100 арестованных ночью офицеров и административных чинов были как заложники доставлены на борт «Очакова», но и только. Таким образом, восставшие добились 14 ноября скорее морально-политического, нежели крупного военного успеха.

Утром 15 ноября на восставших кораблях и на мачте флотской дивизии были подняты красные флаги. Депутаты матросов, прибывшие на «Очаков», сообщили Шмидту, что он избран командующим эскадрой. Под звуки оркестра красный адмирал поднял на «Очакове» сигнал: «Командую флотом. Шмидт». Он надеялся, что корабли эскадры присоединятся к восставшим, но этого не случилось. Тогда он на миноносце «Свирипей» прошел мимо эскадры с целью привлечь «Ростислав», «Синоп», «12 апостолов» и другие корабли на свою сторону, но тщетно: матросы были удалены там с верхних палуб, а офицеры и кондукторы оскорбляли Шмидта. Только с броненосца «Св. Пантелеймон» раздавались крики «ура»⁴⁸. Вот как описывались эти и развивавшиеся далее события в вахтенном журнале минного крейсера «Капитан Сакен», остававшегося верным Чухнину: «В 1 ч. 40 мин. на буксире

⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1905 г., д. 1877, ч. 56, лит. А, л. 35.

⁴⁷ Там же, л. 64.

⁴⁸ «Военные моряки в период первой русской революции 1905—1907 гг.», стр. 103, 108, 110.

портовые катера вывели из Южной бухты контрминоносец «Свирепый» и миноносцы № 268 и № 270, поставили около крейсера 1-го ранга «Очаков»... В 4 ч. 35 мин. спустили гребной катер № 1 и отправили артиллерийского кондуктора принять из минного адмиралтейства сданные бойки от орудий и винтовки... В 5 ч. отправили боевую полуроту в числе 26 человек на плавучую тюрьму... В 8 ч. 05 мин. крейсер 1 ранга «Очаков», миноносцы «Свирепый», № 268, № 270 подняли революционные флаги... В 8 ч. 15 мин. контрминоносец «Свирепый» снялся с якоря, на миноносце были главные агитаторы во главе с отставным лейтенантом флота Шмидтом и оркестром. Пошли по линии броненосцев возмущать на последних команды. Вслед за миноносцем шел катер «Гидрограф» с караулом «Очакова». Около каждого из судов миноносец останавливался и Шмидт говорил речь с возгласом «ура», но команды на судах «ура» не отвечали. Пройдя броненосцы, миноносец «Свирепый» подошел к учебному судну «Прут», где освободил арестованных... Около 12 часов на броненосце «Пантелеймон» подняли революционный флаг... После 3 часов пополудни из Южной бухты под революционным флагом вышел минный крейсер «Гридень», который встал на якорь около крейсера 1-го ранга «Очаков». При выходе «Гриденя» из Южной бухты толпа, стоящая на берегу госпиталя, встретила его дружным «ура». В этот критический момент дух команды как бы понизился и пришлось его энергично поддерживать... Около 4 часов пополудни в Южной бухте стали слышны выстрелы. «Капитан Сакен» был совершенно готов к бою: орудия были заряжены, пластырь готов и паровая пожарная помпа работала малым ходом... Мы открыли огонь по «Свирепому». Открыли огонь «Ростислав», «Память Меркурия» и крепостная артиллерия»⁴⁹.

Этот документ весьма примечателен. Он рисует картину жестокого, хладнокровного подавления восстания, свидетельствует о неустойчивости настроения матросских команд, о сочувствии жителей города восставшим. Два с половиной часа продолжался неравный бой восставших кораблей с правительственной эскадрой. Спасти удалось лишь небольшому числу матросов, а кроме того Шмидту. «Севастопольский пожар», как назвал В. И. Ленин ноябрьское восстание, был потушен крупными воинскими силами. Хотя восставшие матросы, солдаты и рабочие были разбиты и побеждены в бою, но они не спустили поднятое ими красное знамя.

Это знамя революции на кораблях Черноморского флота увидели во всех уголках России. Из Петербурга на имя П. П. Шмидта поступила телеграмма следующего содержания: «Совет рабочих депутатов от имени петербургского пролетариата шлет горячий привет севастиопольским солдатам и матросам, решившимся, следуя славному примеру потемкинцев, стать на борьбу за свободу в братском союзе с рабочими. Да будет севастиопольские события примером для солдат всей России, как забастовка петербургских рабочих в защиту кронштадтских матросов — примером для рабочих всей России. Тогда союз революционного пролетариата и революционного войска положит конец всем остаткам самодержавия и водворит на развалинах его свободный демократический строй»⁵⁰. «Свершилось то, — говорилось в Обращении федеративного совета Московского комитета и Московской группы РСДРП к рабочим и солдатам по поводу Севастопольского восстания, — чего мы ждали с таким нетерпением. Солдаты, которых преступное правительство натравляло на народ, все чаще и чаще протягивают нам свою сильную руку, все смелей и смелей идут в наши ряды. За грозным восстанием кронштадтских матросов вспыхнуло еще более грозное восстание в Севастополе»⁵¹. Откликнулись на севастиопольские события и военные. «Мы, нижние чины воинской части г. Одессы, находившиеся долгое время под гнетом своего начальства, не можем не откликнуться на пробуждение родной страны, — писали солдаты Славучанского полка. — В народе вечно будут чтиться имена граждан военных: лейтенанта Шмидта, матросов Матюшенки, Петрова и павших офицеров и солдат за правое дело»⁵². Известны прямые отклики и за пределами России. 28 офицеров турецкой армии и

⁴⁹ ЦГАВМФ СССР, ф. 870, оп. 1, д. 33076, лл. 38—44.

⁵⁰ «Новая жизнь», 1905, № 14.

⁵¹ «Севастопольское вооруженное восстание...», стр. 148.

⁵² «Право», 1905, № 50.

флота в ответ на казнь Шмидта и его боевых друзей писали в обращении к сестре казенного лейтенанта: «Клянемся и мы великому гражданину Шмидту,.. что будем бороться до последней капли крови за святую гражданскую свободу, во имя которой у нас погибло немало наших лучших граждан. Мы клянемся еще в том, что будем всеми силами и мерами стараться знакомить турецкий народ с событиями в России, чтобы общими усилиями завоевать себе право жить по-человечески»⁵³.

«Едва ли есть основание ликовать победителям под Севастополем,— писал В. И. Ленин.— Восстание Крыма побеждено. Восстание России непобедимо»⁵⁴. Несмотря на поражение, вооруженное восстание в Севастополе имело огромное значение для дальнейшего развития революционного движения в армии и на флоте. Оно показало, что проснувшееся в матросах и солдатах сознание необходимости свободы и борьбы за нее не могут погасить никакие репрессии. Оно стало одним из предвестников Декабрьского вооруженного восстания. Постепенно армия и флот начали превращаться из мощной опоры царизма в участника революции; готовились, как говорил В. И. Ленин, «новые Кронштадты и новые Севастополи»⁵⁵. Героический же подвиг участников восстания, особенно экипажа крейсера «Очаков», занял достойное место в ряду славных революционных традиций нашего народа.

⁵³ ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, журн. исх. 1906 г., № 6104.

⁵⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 12, стр. 116.

⁵⁵ Там же.